

Возможно, это вошло в привычку: хоть его душевное состояние сейчас и перевернулось с ног на голову, слова едва не сорвались с языка. Гу Цзэ вовремя затормозил и хлопнул себя по дурной руке. Поддавшись какому-то необъяснимому порыву, он бросил взгляд на И Яньци, но тот снова отвернулся, словно и не двигался вовсе до этого.

— Знаю, что у вас теперь новая пассия, а тут разве не старая любовь?

Гу Цзэ не понимал, то ли этот генеральный директор Су притворяется, будто не видит торчащего рядом И Яньци, то ли действительно не замечает.

Насчет отсутствия у него сообразительности и впрямь не соврали — ладно бы сам виновник торжества не умел следить за своим языком. Но он, посторонний человек, при законном супруге начинает нести чушь про какую-то новую и старую любовь — у него же ни капли проницательности.

— Что за чушь ты несешь, с чего это я сам не в курсе своих старых любовей? Позови-ка мою старую любовь сюда, я посмотрю, как он выглядит.

В голосе Гу Цзэ проступило легкое раздражение, и генеральный директор Су, наконец расслышав это, тут же с виноватой улыбкой произнес:

— Ой, молодой господин Гу, я же шучу, вы только не принимайте близко к сердцу.

Пока они разговаривали, человек изнутри как раз вышел из примежной и окинул взглядом стоявшую тут же тройцу:

— Э? Вы двое чего здесь, какое совпадение.

Голос показался знакомым, Гу Цзэ повернул голову и действительно увидел старого знакомого.

Чжун Юйсю, его другого сокурсника по университету.

Теперь Гу Цзэ наконец понял, с какой стати генеральный директор Су назвал Чжун Юйсю его бывшим любовником.

Чжун Юйсю происходил из интеллигентной семьи, его дед был очень известным и пользовался огромным авторитетом в городе А. К сожалению, на его поколении единственный внук и наследник был избалован донельзя, и от интеллигентности в нем не осталось и следа. В университетские годы Чжун Юйсю был печально известным донжуаном и подлецом, чья личная жизнь отличалась крайним беспорядком.

Он редко возвращался в общежитие, но каждый раз, когда приходил, на заставке его телефона красовалось фото новой девушки.

И Яньци как-то раз вполне серьезно сказал ему: у тебя, похоже, гиперсексуальность, это болезнь, ее нужно лечить. Это довело Чжун Юйсю до зеленого цвета лица, и они чуть не подрались. Гу Цзэ, наблюдая за зрелищем и подливая масла в огонь, стучал по столу и скандировал речевки, призывая их поскорее подраться, и лишь единственный вменяемый человек в комнате, Чжао Личуань, пытался их разнять.

Тот И Яньци еще не был генеральным директором И, в нем все еще теплились признаки живого человека. Он умел закатывать глаза и пялиться на людей — пусть объектом этого в основном выступал некий Гу, но по крайней мере в нем наблюдались хоть какие-то

эмоциональные колебания.

Исходя из этого, стоит рассказать о недоразумении, из-за которого все вокруг ошибочно приняли Чжун Юйсю за старого любовника Гу Цзэ.

Если подумать, Гу Цзэ тогда просто не повезло. В тот день после игры в баскетбол он вернулся в общежитие с пересохшим от жажды горлом, а его собственная вода как раз закончилась. Обойдя комнату, он обнаружил чуть меньше половины стакана воды на столе у И Яньци и бутылку напитка на столе у Чжун Юйсю. Тогда Гу Цзэ, из-за какой-то сущие ерунды снова находившийся в состоянии холодной войны с И Яньци, решительно выбрал второй вариант. Он никак не мог предположить, что этот бабник Чжун Юйсю окажется настолько бесстыдным, чтобы среди бела дня открыто поставить на стол напиток с добавлением возбуждающего средства.

Гу Цзэ на всю жизнь запомнил выражение лица Чжун Юйсю, когда тот вышел из туалета и увидел, что он выпил ту бутылку. Сначала он ничего не понял и спросил Чжун Юйсю, не наелся ли тот дерьма в сортире. Но вскоре точно такое же выражение лица, словно методом копировать-вставить, появилось и у него самого.

Узнав правду, Гу Цзэ избил Чжун Юйсю так, что тот метался по общежитию, закрывая голову руками. Впрочем, бить его он перестал довольно быстро — его собственное тело уже полыхало, словно в огне. Чжун Юйсю до смерти испугался: с криками, чтобы Гу Цзэ поискал врача, он бросился бежать и вышиб дверь.

Гу Цзэ остался в общежитии один, выкрутил кондиционер на минимум, сорвал с себя одежду и лег на ледяной пол, в полной мере прочувствовав на себе все прелести ледяного и пламенного адов. Наконец, когда его сознание полностью помутилось, вернувшийся из библиотеки И Яньци взвалил его себе на спину, спустил вниз и отвез в больницу.

Эта история наделала немало шума и встревожила родителей с обеих сторон. Семья Чжун даже специально прислала людей в семью Гу с извинениями, после чего Чжун Юйсю лишили права жить в общежитии, и теперь телохранители ежедневно конвоировали его туда и обратно, пока он примерно не возвращался домой.

Только вот никто не ожидал, что в школе этот слух обрстет совершенно иными подробностями. Гу-молодой господин, вечно твердивший о том, что надо бы найти послушную и милую девушку, внезапно изменился в лице: прямо в общежитии у него с соседом по комнате произошла случайная осечка с далеко зашедшими последствиями, да такая, что угомонить ее не получалось, и в итоге он так испугал соседа, что тот сразу же съехал домой и больше в общежитии не появлялся.

Эта сплетня, закаленная временем, оказалась невероятно живучей, и нашлось немало людей, которые искренне верили, будто Гу Цзэ раньше любил Чжун Юйсю. Дошло до того, что Гу Цзэ еще долгое время при виде этого бабника испытывал непреодолимое желание врезать ему.

Но теперь всё было иначе.

Глядя на Чжун Юйсю, стоявшего всего в нескольких шагах, Гу Цзэ ощутил нечто вроде чувства дежавю, словно прошла целая жизнь.

В последний раз они виделись на похоронах его деда. Все эти годы семья Чжун держалась исключительно на его дедушке. Когда дедушка скончался, от семьи Чжун осталась лишь пустая оболочка. Возможно, ощутив давление и ответственность, за последние годы Чжун Юйсю стал намного более зрелым и рассудительным.

Он больше не красил волосы, вывел татуировки, снял серьги из ушей. Зачесал волосы назад, облачился в деловой костюм, порвал со всеми беспорядочными связями и теперь крутился на всевозможных фестивалях искусств и культурных мероприятиях. В одночасье он и вправду стал похож на молодого господина из интеллигентной семьи, а в каждом его движении словно сквозила легкая начитанность.

— Давно не виделись. — Гу Цзэ чуть приподнял подбородок, хотя улыбался несколько натянуто. Он думал о том, что даже Чжун Юйсю теперь живет полной и осмысленной жизнью, тогда как он сам до сих пор непонятно чем занимался. Прошло уже немало лет с окончания учебы, все его друзья вовсю развивали карьеру, а он за все это время даже не притронулся ни к одному из дел семьи Гу. Гу Цзэ не был из тех, кто привык сдаваться; с самого детства в нем жило сильнейшее стремление к победе. Так чем же все эти годы были затуманены его мысли?

— Раз уж вы оба здесь, мне не придется рассылать приглашения по отдельности. Через несколько дней моя семья устроит в Хаотине благотворительный аукцион, на котором будет представлена большая часть прижизненных коллекций моего деда. Согласно его предсмертной воле, раз его больше нет, в доме не осталось тех, кто по-настоящему дорожил бы этими сокровищами. Лучше позволить им заново выбрать хозяев — тот, кому суждено, сможет забрать их с собой. Если у вас двоих найдется время, сделайте мне одолжение, — произнес Чжао Личуань.

Чжун Юйсю лучезарно улыбнулся, а Гу Цзэ тоже чуть тронул уголки губ. На самом деле слушать эти напыщенные речи было довольно неприятно:

— К чему такие церемонии между своими? Конечно, мы придем, явится вдвоем.

Это «мы вдвоем», разумеется, подразумевало Гу Цзэ и И Яньци. Гу Цзэ бросил фразу совершенно непринужденно, не подозревая, что Чжун Юйсю и И Яньци отреагируют на нее с едва заметным смущением.

Чжун Юйсю изначально хотел пошутить: «Вы что, теперь снова ладите?», но, подумав, передумал и лишь сказал:

— Вот и отлично. Через пару дней я велю отправить приглашение в вашу компанию, еще увидимся.

Проводив взглядом Чжун Юйсю и директора Су, Гу Цзэ и остальные быстро забрали ту обувь, которую хотели. Уходя, Гу Цзэ долго смотрел на ту самую пару, что натирала ему ноги, и в конце концов попросил продавца упаковать ее.

Сначала ему хотелось просто выбросить ее, но, подумав хорошенько, он решил, что вернуть вещь законному владельцу будет куда правильнее.

Гу Цзэ вышел из магазина, и в вечерних сумерках его лицо казалось несколько суровым. Он был погружен в мысли и не заметил, что спутник все это время исподлобья наблюдал за ним.

В голове Гу Цзэ всплывали картины предстоящего аукциона.

Вот он, заслоняя собой Цинь Ся, держит его за руку в защитном жесте, а напротив стоит И Яньци с ледяным выражением лица и смотрит на них.

Все трое приковывали к себе всеобщее внимание.

На глазах у потрясенной публики Гу Цзэ открыто шел на конфликт с законным супругом ради защиты своей «истинной любви». Коммерческий брак не принес семье ничего хорошего, зато Корпорация Гу раз за разом оказывалась в эпицентре скандальных заголовков.

Его что, лошадь в голову ляпнула?

Гу Цзэ чихнул.

Он слегка растерялся: оказывается, когда мысленно ругаешь самого себя, тоже можно чихнуть.

И Яньци бросил на него взгляд, но казалось, будто он смотрит сквозь него. Гу Цзэ проследил за его взглядом: у входа в магазин висел ряд кожаных курток на продажу, утепленных моделей.

— Все в порядке, скоро поедem назад, — Гу Цзэ потер нос и, повернув голову, встретился с удивленным взглядом И Яньци.

— Я смотрю, приехала ли машина. Ты о чем?

Гу Цзэ: «.....»

Ладно, проехали, считай, что он сморозил глупость.

Снова усевшись в машину и пристегнув ремень безопасности, Гу Цзэ больше не собирался играть в угадку с пунктом назначения и прямо спросил:

— В том нашем доме кто-нибудь вообще убирается? Жить-то там можно?

После свадьбы у них, разумеется, было общее жилье, но Гу Цзэ не бывал там ни разу.

Сейчас он оказался фактически бездомным: возвращаться к родителям стыдно, а свой собственный дом... При одной мысли о спальне, сплошь завешенной портретами Цинь Ся во всех ракурсах, у Гу Цзэ начинала раскалываться голова. И прежде чем смиренно и обиженно отправиться ночевать в пятизвездочный отель, принадлежащий его собственной семье, его вдруг озарило: кажется, у него был еще один угол.

Спутник долго молчал. Гу Цзэ повернулся к нему и снова вспомнил кое-что:

— Ой, ты ведь, наверное, и сам не знаешь...

— Жить можно.

Короткий ответ И Яньци оборвал Гу Цзэ на полуслове, после чего тот снова умолк.

Гу Цзэ кивнул, не особенно пытаясь узнать, откуда собеседник так уверен в этом — в конце концов, его главной целью было получить на сегодняшний вечер тихое место, чтобы спокойно во всем разобраться.

В том доме наверняка стоял замок с отпечатком пальца? Надеюсь, его отпечаток тоже внесли в систему...

Погруженный в эти полусонные мысли, Гу Цзэ незаметно задремал и опомнился только тогда, когда машина въехала на территорию жилого комплекса. И Яньци вел машину очень плавно, так что всю дорогу он почти не ощущал тряски.

Гу Цзэ потер глаза и подумал, что у него просто железобетонные нервы — оказавшись в такой ситуации, он еще умудрился уснуть. По правде говоря, он и сам не заметил, что испытывает какое-то запредельное доверие к человеку, сидящему рядом. Начнись все с начала, даже Гу Цзэ, на собственной шкуре познавший свой трагический финал, должен был бы проявить максимальную бдительность, чтобы справиться с любыми неожиданностями.

Машина остановилась перед одной из вилл. И Яньци поднял руку и швырнул ему связку ключей:

— Самый большой открывает парадную дверь. Можешь выходить.

Гу Цзэ поймал ключи, осмотрел их и спросил:

— Разве там не замок по отпечатку?

И Яньци на мгновение замер:

— Ты бывал здесь раньше?

Гу Цзэ:

— Э-э, я от мамы слышал.

— Замок сменили, — снова произнес он. — Можешь выходить.

Гу Цзэ бросил на него короткий взгляд, но И Яньци по-прежнему смотрел строго перед собой. Непонятно почему, но Гу Цзэ показалось, что тот слегка напряжен, и вся его прежняя невозмутимость куда-то испарилась.

— Ладно. Тогда... — Гу Цзэ припомнил прощальные слова, которые сегодня им сказал Чжун Юйсю, те, что произносят друзья. — Еще увидимся.

Лунный свет струился с ночного небосвода. На извилистой дорожке человек и автомобиль разошлись каждый своей дорогой.

И Яньци обычно был очень занят на работе, часто засиживался допоздна, и ночные поездки за рулем были для него привычным делом. Даже несмотря на то, что этот коттеджный поселок находился в горах и горная дорога отличалась некоторой крутизной, по пути сюда он вел машину неизменно уверенно и плавно.

Совсем не так, как сейчас.

<http://bllate.org/book/25762/3080259>